

Журнал Родина 1909 года №2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ж92

Ж92 Журнал Родина 1909 года №2 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-458-77116-0

ISBN 978-5-458-77116-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вой улыбкой старой сводни, ея губы растягивались словно на пружинахъ и въ ея блѣдныхъ, безкровныхъ деснахъ, точно живые, шевелились два-три уцѣлѣвшіе желтые зуба. Подбородокъ старухи былъ острый, чуть не сходявшійся съ носомъ, и по его бокамъ росли кустики сѣдыхъ, довольно густыхъ волосъ. Но ея глаза были все еще черезчуръ велики для этого старикаго, сморщенного лица, которое точно было покрыто желтымъ пергаментомъ.

И въ этихъ глазахъ сверкалъ иногда яркій, лукавый огонекъ.

Когда-то это была, вѣроятно, красавица, теперь же это была лишь по названію женщина, а въ дѣйствительности вѣдьма, ворвавшаяся изъ фантастической сказки въ реальную жизнь.

Армянка обидѣлась и чуть не крикнула:

— Ва! Что смотришь на меня, офицеръ? На мои лохмотья смотришь? Я—бѣдная армянка, а когда-то и я была молода и хороша, какъ твоя Гайяна.

Данаевъ вздрогнулъ. Дѣйствительно, возможно, что она даже походила на Гайяну въ молодости. Онъ мелькомъ взглянулъ на фигуру старухи, на ея одежду и ему стало страшно и жутко. На ней было темное, грязное платье, изъ-подъ котораго выглядывали широкія шаровары, опускавшіяся по самую пиколодку. На ея ногахъ были восточныя туфли, очевидно когда-то красныя и вышитыя золотомъ, но теперь стоптанныя, неопредѣленнаго цвѣта и продранныя.

— Молчи, старуха! — раздраженно крикнулъ Данаевъ. — Не говори глупостей! Мнѣ некогда болтать съ тобою.

— Ва, батона! Время есть. Вотъ письмо Гайяны. Она проситъ ждать.

— Ты видѣлась съ ней?

— А видѣла же. Вотъ письмо! — сказала старуха и дрожащими руками вынула изъ кармана коробочку спичекъ, цѣпкими, крючковатыми пальцами достала спичку и зажгла ее.

Было такъ тихо въ воздухѣ, что спичка горѣла какъ свѣча и только тяжелое, прерывистое дыханіе старухи колебало ея пламя.

При этомъ блѣдномъ, опаломъ свѣтѣ офицеръ быстро пробѣжалъ глазами записку. Она была написана на сѣромъ клочкѣ бумаги милымъ ему армянскимъ почеркомъ съ какими-то завитками, но по-русски и съ множествомъ грубыхъ ошибокъ:

„Вано, жизнь души моей. Муштаидъ, одиннадцать часовъ, у платана. Гайяна.“

— Хорошо, — проговорилъ офицеръ,

сердце котораго мучительно-радостно забилося. — Вотъ возьми! — и онъ сунулъ въ руки старухи бумажку.

Та ухватила за бумажку, но вмѣстѣ съ тѣмъ своими узловатыми пальцами задержала въ своей рукѣ руку Данаева.

— Милостивый господинъ, — проговорила старуха со своимъ страннымъ армянскимъ акцентомъ и умильно поглядѣла ему въ глаза.

— Знаю, — сурово сказалъ Данаевъ, вырвавъ у нея руку, — тебѣ опять нужно много денегъ.

— Я стара, — отвѣтила она, — очень стара... а старому человѣку что нужно, кромѣ денегъ? Одинъ терщикъ изъ сѣрныхъ банъ обѣщала вылечить мою ногу. Рана у меня на ногѣ сколько лѣтъ. „Въ одну недѣлю, — говоритъ, — вылеку. Лекарство, — говоритъ, — дорого стоитъ“... Не вѣришь, я тебѣ покажу рану... разбѣдаетъ сколько лѣтъ...

И она сдѣлала движеніе поднять шаровару и обнажить свою язву.

— Избавь, избавь! — возмутился Данаевъ. — Сколько тебѣ нужно?

— Мнѣ ничего не нужно. А онъ говоритъ: лекарство туманъ будетъ стоить, а потомъ нужно ванны, много горячихъ ваннъ.

— Сколько же всего? — съ отвращеніемъ спросилъ Данаевъ и досталъ бумажникъ.

— Два тумана надо... — робко сказала армянка и опустила свой горящій жадностью взоръ.

— Возьми! — проговорилъ офицеръ, брезгливо сунувъ ей двѣ десятирублевыхъ бумажки. — Ты у меня перебрала больше ста рублей, старуха. Я больше не могу давать.

Почувствовавъ въ рукахъ деньги, старуха вдругъ повысила тонъ:

— Батона! Не даромъ даешь! Я служу тебѣ. Узнаешь Гуго — убить меня можетъ.

— „Служу“, „служу“! Я тебѣ плачу за это. Велика служба — записки передавать да свиданія устраивать. Ты мнѣ очковъ не втрай! Ты бываешь тамъ каждый день и вы вмѣстѣ съ твоимъ Гуго обдѣлываете ваши темныя дѣла. А если онъ убьетъ тебя, такъ что же тутъ дурного? Двумя гадами меньше станешь: тебя унесутъ съ земли черти, его сошлютъ въ Сибирь. Воздухъ будетъ лучше въ Тифлисѣ.

Глаза старухи такъ сверкнули въ вечерней тьмѣ, какъ Данаевъ недавно вздрогнулъ, какъ отъ какого нибудь сквернаго предчувствія. Армянка подошла къ нему, нагнула къ его лицу свою дышавшую дикой ненавистью, безобразною маскою; ея блѣдный ротъ раскрылся, желтые зубы занеселились;

обдавая его своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, брызгая слюною, старуха шипящимъ голосомъ заговорила:

— Смотри, Вано, самъ не попади въ Метехскій замокъ! Пусть абрегъ, убѣжавшій съ Грузинской дороги, убьетъ тебя на Майдагъ! Пусть Гайяна твоя...

Но Данаевъ, отшатнувшись сначала отъ нея, быстро наклонился на нее всѣмъ тѣломъ и такъ больно сжалъ ей руку, что она вскрикнула и выронила обѣ десятирублевыхъ бумажки.

— Молчи, старая, подлая вѣдьма! — крикнулъ онъ, трясаясь отъ гнѣва. И самъ задухнулъ тебя раньше твоего подлаго Гуго.

Старуха хотѣла закричать, позвать на помощь, но Данаевъ зажалъ ея отвратительный ротъ рукою. Затѣмъ, все еще не выпуская армянки, онъ отнялъ свою руку отъ ея губъ и медленно, съ разстановкой проговорилъ:

— Ты хорошо говоришь и понимаешь по-русски. Такъ слушай же, слушай меня внимательно и запомни до самаго дня своей смерти, которой, къ счастью, ждать недолго.

Старуха дрожала всѣмъ тѣломъ, съ ногъ до головы. Никогда еще не видѣла она этого скромнаго, какъ „карачевскій барашекъ“, офицера въ такомъ изступленномъ состояніи. Она никогда не подовѣвала его способностямъ на такую вспышку. Ея взоръ потухъ и сдѣлался мертвымъ, лицо посѣрѣло и изъ полуоткрытыхъ губъ вырывалось учащенное дыханіе.

— Вано, не убей меня! — стономъ вырвалось у нея.

— Молчи! Я не убью тебя; успокойся, но слушай: двѣ недѣли тому назадъ, близъ Коби, на дорогѣ, убить персть, который везъ два ящика бирюзы на минеральныя воды. Казаки не поймали абрека. Слушай же: ящики съ бирюзой хранятся въ твоёмъ домѣ. Ихъ передалъ тебѣ Колодищевъ, твой гнусный сообщникъ Гуго, какъ ты его называешь. Нѣсколько дней тому назадъ какіе-то разбойники отрѣзали у проѣзжавшаго генерала сундукъ отъ его коляски. Этотъ сундукъ хранится въ твоихъ подвалахъ. И передай его тебѣ тотъ же Гуго. Перестань дрожать! Ты видишь, я все знаю.

— Гайяна? — прошептала старуха въ смертельномъ ужасѣ. — Гайяна выдаетъ съ о х ть русскому?..

Данаевъ замаялся.

— Своихъ! — проговорилъ онъ. — Гайяна — ангелъ, попавшій въ разбойничье гнѣздо. И я вырву ее оттуда. Клянусь Богомъ и всѣмъ, что есть святого на свѣтѣ! Но, если ты выдашь ее или меня, старая мерзавка, если

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ВЕНЕРЪ. Съ карт. Гайлянъ грав. для „Родины“ В. Зубчашиновъ.

СВАДЬБА. Съ картины А. де Куртень гравир. для „Родицы“ П. Юевичъ.

ты перестанешь служить мнѣ, я донесу на вашу шайку, и не я, а ты будешь гнить въ Метехскомъ замкѣ, вмѣстѣ съ твоимъ Гуго. Поняла ты меня?

— Ой-ой-ой! — стонала старуха. — Ой-ой-ой!

— Ну, такъ подбери свои два тузана и провались въ преисподнюю! — крикнулъ Данаевъ и выпустилъ ея руку.

Старуха жадно и быстро, несмотря на дрожь, все еще не проходившую, нагнулась къ землѣ и схватила деньги.

Данаевъ пошелъ отъ нея. Онъ повернулся еще разъ къ ней и крикнулъ:

— Смотри же! Помни, что я сказалъ...

Ему показалось, что взоръ армянки зажегся яркимъ, злобнымъ пламенемъ и мгновенно потухъ. Она проворчала что-то и исчезла какъ привидѣніе за тихо скрипнувшей калиткой. Слово надвигавшаяся ночь поглотила ее въ свои нѣдра.

Офицеръ шелъ ускореннымъ шагомъ, которымъ, казалось, хотѣлъ заглушить въ себѣ волновавшія его чувства.

„Зачѣмъ я сказалъ ей это? зачѣмъ выдалъ Гайяну? Какъ глупо! Но она у меня въ рукахъ, какъ моя тайна— въ ея рукахъ,—подумалъ онъ.—Она будетъ молчать“.

И онъ рѣшилъ скрыть отъ Гайяны, что такъ неосторожно выдалъ ихъ общую тайну. Зачѣмъ пугать и беспокоить и безъ того напуганную дѣвушку?

VI.

Гайяна съѣнно заканчивала ужинъ. Она только дѣлала видъ, что ѣла, присутствуя за столомъ, у котораго, какъ истый восточный паша, развалившись на тахтѣ и облокотившись на ковровую мутакъ, сидѣлъ маіоръ.

Онъ пилъ водку, закусывалъ горькими травами, которыя подаются при всякомъ кавказскомъ столѣ, кобіи-скимъ сыромъ, вареной тешкой и редиской. Затѣмъ Осанна, сестра Гайяны, подавала жареный шашлыкъ изъ карачевскаго баранка, посыпанный барбарисовымъ порошокомъ, а потомъ— курдюкъ, жареный на сковородкѣ и плававшій въ собственномъ густомъ жирѣ.

Маіоръ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, жадно накидываясь на все, что стояло предъ нимъ. Ѣлъ онъ неопратно, некрасиво, беря куски шашлыка съ руки, и, послѣ cadaго куска, обсасывалъ свои длинные сѣдые усы, лѣзшіе ему прямо въ ротъ. По восточной привычкѣ, онъ громко чингалъ, закатывалъ глаза и вообще

имѣлъ такой видъ, какъ будто священнодѣйствовалъ; его губы и пальцы были покрыты саломъ и его видъ былъ поистинѣ отвратителенъ.

Проведя долгую службу на персидской границѣ, Колодищевъ самъ приобрѣлъ привычки и внѣшній обликъ настоящаго восточнаго человѣка. Одѣтъ онъ былъ въ черный, лоснившійся ластиковый бешметъ, а обувь въ чевяки; на его бритой голозѣ была небольшая папахъ, которую онъ въ концѣ концовъ снялъ, когда ему сдѣлалось жарко.

Маіоръ былъ полонъ, даже грузенъ и въ особенности выдавался его животъ; его короткіе, толстые пальцы, которыми онъ хваталъ куски шашлыка, обросли на суставахъ кустиками волосъ и его лицо было красно отъ обильнаго потребленія кахетинскаго вина. Носъ изобилывалъ тонкими, красными жилками, а на лбу выступили мелкія капли пота.

Колодищеву прислуживали три женщины: Осанна, Гайяна и старая армянка въ національномъ костюмѣ, жившая въ его домѣ въ качествѣ прислуги. На прислугу онъ кричалъ, топалъ ногами, иногда швырялъ въ нее солонкой или пепельницей, когда она не угождала ему или когда онъ приходилъ въ возбужденіе отъ вина. А такъ какъ онъ всегда находился въ возбужденномъ состояніи, то такія выходы повторялись часто.

Къ Осаннѣ, которая по своей близости къ хозяину дома считалась главнымъ лицомъ, Колодищевъ относился преувеличенно вѣжливо, съ плохо скрытой злобной насмѣшкой, но въ душѣ, кажется, побаивался ея. Предъ Гайяной онъ млѣлъ и таялъ, имѣя въ глубинѣ души какія-то смутныя, пока еще отдаленныя и тайныя надежды. Иногда онъ подолгу втихомолку любовался ею, въ особенности въ отсутствіе ея сестры, отъ которой въ послѣднее время всячески старался держаться дальше.

И дѣйствительно было чѣмъ забавляться.

Гайяна была стройная, тонкая, какъ молодая кавказская раина, дѣвушка.

Ей только что минуло семнадцать лѣтъ. Но ея огромные, черные глаза были печальны и ея взоръ глядѣлъ скорбно и уныло.

Матовая бѣлизна кожи, тонко, изящно очерченный носъ, черныя брови и красивый, свѣжій ротъ, за алыми губами котораго виднѣлись прелестныя зубки, бѣлые и ровные, ея черныя, съ синеватымъ отливомъ волосы, роскошныя по густотѣ и очень длинныя—все это было очень совершенно какъ по строгимъ лиціямъ, такъ и

по мягкому, чисто восточному колориту.

Рано развившись, Гайяна съ юныхъ лѣтъ приглядѣлась къ окружавшей ее ненормальной обстановкѣ и всею своей пылкой душой возненавидѣла эту обстановку, вмѣстѣ съ маіоромъ.

Онъ воспиталъ ее, выучилъ читать и писать по-русски, играть на гитарѣ и мандолинѣ и пѣть пѣсни. Но, какъ ни старался онъ выучить ее уваженію и благодарности къ себѣ, ему это рѣшительно не удалось.

Это обстоятельство внесло горечь въ ихъ отношенія.

— Гайя, роза моя, — говорилъ маіоръ иногда, въ минуты отчаянія, когда она вырывалась изъ его „отческихъ“ объятій и уклонялась отъ его ласкъ,—я подобралъ тебя ребенкомъ, я вырвалъ тебя изъ рукъ одного человѣка, чтобы ты не попала въ какую нибудь азіатскую глушь и не стала наложницей въ гаремѣ какого нибудь турецкаго пашы, который могъ бы, въ концѣ концовъ, удавить или зарѣзать тебя. Я воспиталъ тебя, даю тебѣ и кровъ, и пищу, и одежду, и обувь, а ты не чувствуешь никакой благодарности...

— Не чувствую, — соглашалась Гайяна. — Зачѣмъ ты взялъ меня? Я тебя не просила объ этомъ. Оставь меня! Довольно съ тебя и сестры.

— Развѣ Осанна несчастлива?

— О, да, очень счастлива! — پاسخъшило возражала Гайяна, — если бы мнѣ выпало такое счастье, я давно лежала бы на днѣ Куры.

(Продолженіе будетъ.)

Въ торговомъ порту.

(Съ рис. на стр. 25.)

Міровая торговля — одинъ изъ главнѣйшихъ нервовъ жизни—все болѣе и болѣе расширяется, и главнѣйшимъ ея пособникомъ является морское судоходство. По глади океановъ и морей гигантскіе пароходы и парусныя суда перевозятъ за десятки тысячъ морскихъ миль товары, продукты и издѣлія чело-вѣческаго труда изъ одной страны въ другую. Во всемъ мірѣ есть немало колоссальныхъ пунктовъ, въ которыхъ ключемъ кипитъ вывозная и въвозная торговля, дающая кусокъ хлѣба миллионамъ людей. Могучая, ни на мигъ не прекращающаяся жизнь кипитъ въ этихъ портахъ. Милліоны пудовъ груза доставляютъ въ нихъ и вывозятъ изъ нихъ суда и въ работѣ по нагрузкѣ и разгрузкѣ ихъ принимаютъ участіе огромныя массы рабочаго люда. Въ потѣ лица своего занимаются они тяжелымъ трудомъ, создавая себѣ возможность существованія и обезпечивая себѣ средства къ жизни въ старости, а вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно способствуя міровому обмѣну цѣнностей и увеличению благосостоянія странъ мѣра.

Адмиральша.

Разсказъ В. И. Крыжановскаго.

(Окончаніе.)

III.

Между тѣмъ наступилъ и вечеръ. Въ гостиной стало такъ темно, что я уже не видѣлъ Джульетты Александровны, а только слышалъ ея присутствіе. Эта музыка и мракъ являлись угнетать меня: я началъ испытывать сильное нервное напряженіе, изъ-за чего-то тянуло меня все слушать и слушать бѣзцѣльнѣе по червямъ аккорды.

Вдругъ музыка оборвалась на какой-то странной, пронзительной нотѣ, подѣйствовавшей, какъ внезапный колъ хорошо отточенного стилета.

— Джульетта Александровна, — шепотомъ произнесъ я, — что же вы молчите?

Отвѣта не было...

Я опять повторилъ свой вопросъ болѣе громкимъ голосомъ...

Опять молчаніе...

Я порядкомъ даже стухнулъ; быстро вскочивъ съ кресла, я приблизился къ тому мѣсту, гдѣ она должна была быть.

— Что съ вами? — спрашивалъ я, стараясь въ темнотѣ найти ея руки. Наконецъ я нашель ихъ: она зарыла ими лицо.

Лишь только я дотронулся до Джульетты Александровны, какъ она почти судорожно схватила мою руку.

— Пожалейте меня... мнѣ такъ тяжело!.. — чуть слышно донесся до меня ея шепотъ.

Самъ не знаю почему, я всталъ около нея на колѣна. Ея руки обвились вокругъ моей шеи, а голова склонилась на плечо. Я обнялъ ея гибкую талію. Она не сопротивлялась... Еще моментъ, и я жадно цѣповалъ ея губы, лицо, волосы, руки...

— Ну, довольно, Алексѣй Ивановичъ, — вдругъ твердо сказала Джульетта Александровна, отстраняя меня, — вы меня не уважаете.

Я молчалъ, весь взволнованный, и потому и внезапно поглупѣвшій. Все происшедшее для меня было совершенно непонятно: такъ это было неожиданно.

— Пойдемте въ столовую: тамъ, должно быть, уже зажгли огонь, — ухо прозвучало ея голосъ.

Я покорно пошелъ за Джульеттой Александровной, пораженный ея внезапнымъ хладнокровіемъ.

„Что же это такое? — думалъ я, — путаю?.. шалость?.. нервный припадокъ?.. Однако я въ преглупомъ положеніи“...

Отвѣтитъ на эти вопросы могла только она.

Вообще все ея поведеніе въ сегодняшній день было очень странно, но теперь, придя уже въ себя, я рѣшилъ, что непременно добьюсь полной правды: въ первый разъ въ жизни меня, испытаннаго донъ-жуана, эта женщина серьезно заинтересовала. Кромѣ того я не могъ пропустить ей то глупое положеніе, въ какомъ теперь находился. Во мнѣ боролось самая разнообразная чувствительность: то любовь, то злость, то робость.

Сидя въ ярко освѣщенной столовой, я исподтишка наблюдалъ за хозяйкой, пока она заваривала чай.

Теперь она на видъ была совершенно спокойна, лишь изрѣдка у нея вздрагивали губы и глаза избѣгали встрѣтиться съ моими.

— Что же это Николай Павловичъ не идетъ пить чай? — спросила она вошедшую прислугу. — Надя, просите адмирала къ чаю.

Это спокойствіе слегка взбудоражило меня.

— Такой музыкой, какъ сегодня, Джульетта Александровна, — вызывающе началъ я, — вы всѣхъ угощаете, или это только я привелъ васъ въ необычайный и даже странный музыкальный экстазъ?

— Какъ вамъ не совѣстно задавать такой жестокой вопросъ? — чуть не съ мольбой въ голосѣ спросила она. — Неужели же я такъ похожа на женщину, которую можно было бы приравнять къ обыкновеннымъ искалеченнымъ романтическимъ приключеніямъ?.. Неужели же я не заслуживаю ни малѣйшаго уваженія?.. Вы мало знаете женщинъ, Алексѣй Ивановичъ!

— Извините меня, но все происшедшее между нами такъ странно, что, согласитесь, мнѣ трудно подыскать какое нибудь объясненіе, тѣмъ болѣе, что и вы не желаете помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ...

— Скоро, можетъ быть, вы все узнаете, а пока, я васъ умоляю, не стройте обидныхъ для меня предположеній; я васъ попрошу подождать немного и тогда все объясню... Сейчасъ это сдѣлать я не могу.

Я пожалъ плечами и обѣщалъ, что терпѣливо буду ждать того момента, когда мнѣ пожелаютъ объяснить все непонятное.

Черезъ нѣсколько минутъ явился въ столовую слегка заспанный, но уже освѣжившійся адмиралъ. Онъ внесъ нѣкоторое оживленіе своимъ разсказомъ о томъ, что видѣлъ во снѣ. Оказывается, что и во снѣ онъ только видитъ свое хозяйство, цвѣты, растенія.

„Вотъ человѣкъ, — подумалъ я, — у котораго нѣтъ тревогъ, сомнѣній: были бы только цвѣты, и онъ весь вѣкъ будетъ доволенъ“.

Окончивъ чаепитіе, я сталъ прощаться, такъ какъ былъ уже девятый часъ.

— Заѣзжайте къ намъ почаще. Надѣюсь, вы не скучали? — точно въ насмѣшку сказалъ Николай Павловичъ, пожимая мнѣ руку. — Музыка Джульетты конечно понравилась вамъ? Она у меня — артистка!

— Какъ можетъ не понравиться такая музыка! — воскликнулъ я, довольно таки плохо выражая свое удовольствіе.

Въ то же время я мелькомъ взглянулъ на Джульетту Александровну. Она была блѣдна и смотрѣла куда-то въ сторону. Я подошелъ къ ней прощаться. Ея рука была холодна, какъ ледъ, и слегка задрожала въ моей.

— До свиданія... не забывайте насъ! — сказала она, сильно сжимая мои пальцы, — да по дорогѣ будьте осторожны: теперь темно, а вы, какъ я замѣтила, любите горячихъ лошадей.

Черезъ минуту я уже ѣхалъ размахистой рысью по твердой дорогѣ. Мой карабахъ изрѣдка пофырки-

валъ, какъ бы желая сказать, что „въ гостяхъ хорошо, а дома все-таки лучше“.

Въ моей головѣ тѣснилась масса мыслей. Все происшедшее со мной сегодня было слишкомъ ново для меня. Я все время думалъ о томъ, какое объясненіе своему поведенію дастъ Джульетта Александровна. Странная сцена у рояля не могла остаться невыясненной. Что объясненіе всему этому будетъ, я не сомнѣвался и въ такомъ смыслѣ и поцѣлывалъ ея прощальное рукопожатіе, которыми она какъ бы хотѣла сказать „жди и все узнаешь“.

„Ну, и странный же народъ вы, женщины, — думалъ я подѣйствуя бѣгъ коня, — кто васъ разгадастъ, тотъ справедливо можетъ назвать себя постигшимъ многое. Этакая вѣдь масса противорѣчій: то веселы, то скучны, то смѣются, то плачутъ, то тревожно ждуть чего-то, то полны ледяного величія; день на день не похожъ. Разберись тутъ“...

Скоро я былъ уже дома и укладывался спать, заранѣе зная, что проведу бессонную ночь.

IV.

Прошло нѣсколько дней. Джульетта Александровна не выходила у меня изъ головы. День и ночь я думалъ о ней. Работа не шла на умъ: я то бродилъ по городу, то садился на коня и проѣзжалъ мимо дачи Вороновыхъ, но прелестной хозяйки этого уголка не видѣлъ. Мое настроеніе сильно испортилось: я сталъ нервнѣе, безпокоенъ, скверно ѣлъ, скверно спалъ; къ знакомымъ совсѣмъ не показывался; при встрѣчахъ на улицѣ приходилось ссытаться на усиленные занятія. Стѣило мнѣ остаться одному, какъ предсѣнный образъ адмиральши вставалъ предо мной. Я мысленно переносился въ ту гостиную, жадно искалъ ея трепетныхъ губъ и обвивалъ ея гибкую талію...

Наконецъ я понялъ: нашла коса на камень — я былъ влюбленъ и — увыв! — влюбленъ, какъ говорится, по уши. Придя къ такому выводу, я рѣшилъ во что бы то ни стало озладѣть этой обворожительной женщиной, безъ которой все мое существованіе теряло свой смыслъ.

Каждый день собирался я на знакомую дачу, но всякій разъ, не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, мчался назадъ, какъ будто гонимый призраками. Меня даже начала пугать встрѣча съ Джульеттой Александровной. Такое ужасное состояніе духа не прошло для меня даромъ: я похудѣлъ, осунулся, сталъ блѣденъ.

Въ одинъ прекрасный лунный вечеръ я возвращался домой и по дорогѣ рѣшилъ, что завтра же, несмотря ни на что, поѣду къ Вороновымъ. Это рѣшеніе какъ будто успокоило меня, и я довольно бодро въѣзжалъ на крыльцо своего дома.

— Баринъ, васъ ждетъ какаля-то барыня, — шепотомъ сообщилъ мнѣ мой слуга, очевидно удивленный этимъ посѣщеніемъ, такъ какъ во все мое пребываніе въ Б. въ моей квартирѣ не было ни одной женщины.

Сердце у меня дрогнуло: я уга-

ЛЮДОВИКЪ ХІ ПРЕДЪ КЛѢТКОЙ КАРДИНАЛА ЛАБАЛЮ. Съ картины Г. Гробе
гравир. для „Родины“ П. Юевичъ.

даль, что это—Джульетта Александровна. Я не вошелъ, а въбѣжалъ въ свой кабинетъ.

У письменнаго стола полусвѣщенная причудливымъ свѣтомъ луны сидѣла склонившаяся женская фигура. При моемъ появленіи она встала.

— Джульетта Александровна, это—вы?—произнесъ я задыхающимся голосомъ, судорожно схватывая ея руки.

— Да, это—я. Я объѣхала вамъ дать объясненіе по поводу того случая, котораго, надѣюсь, вы не забыли?

— Джульетта Александровна, если бы вы знали, какъ мучительно провѣлъ я всѣ эти дни! если бы вы знали, какъ жаждалъ я встрѣчи съ вами! Я весь измученъ: и днемъ, и ночью предо мною вы, все вы... я о васъ только и думаю...

Я склонился къ ея рукамъ и долго-долго цѣловалъ ихъ.

— Ну, довольно, ненасытный, — сказала она, мягко освобождая свои руки, — опустите шторы и зажгите огонь: мнѣ это нужно.

Я исполнилъ ея желаніе, хотя и находилъ, что разговаривать интересно было бы въ полумракѣ.

— Боже мой, какъ вы изменились!—воскликнула она, когда свѣтъ лампы озарилъ наши лица.—Я думала, что только мнѣ было въ эти дни тяжело и даже представляла себѣ васъ веселящимся, уживающимся, танцующимъ. Тогда мнѣ стало болѣло больно, обидно. Я даже болѣла нѣсколько дней.

Дѣйствительно ея лицо было блѣдно, глаза ввалились и горѣли какимъ-то огнемъ. Но отъ этого моя гостья еще болѣе выигрывала: въ ней было теперь что-то неземное и въ высшей степени притягательное. Такими обыкновенно изображаются Мадонны рафаэлевской школы.

— Джульетта Александровна! если бы вы знали, что я пережилъ въ эти дни! Я себѣ мѣста не находилъ... Хотѣлъ было нѣсколько разъ захватить къ вамъ, но, не доѣзжая вашей дачи, поворачивалъ лошадей, какъ будто какая нибудь сила гнала меня обратно. Всѣ эти дни я бродилъ какъ Кайнъ, избѣгалъ людей... Однимъ словомъ, мое состояніе было самое ужасное! — горячо воскликнулъ я.

— Я вамъ вѣрю, Алексѣй Ивановичъ. Однако пора и объяснить вамъ цѣль моего посѣщенія, для замужней женщины, признаться, довольно необычнаго, такъ какъ, согласитесь, не всякая женщина въ состояніи, не рискуя ничѣмъ, отважиться на визитъ къ холостому мужчине. Посмотрите на эту карточку. Что вы скажете?

Сказавъ это, Джульетта Александровна протянула мнѣ фотографическую карточку кабинетнаго формата.

Я взглянулъ и въ изумленіи открылъ глаза: на карточкѣ былъ снятъ я, своей собственной персоной.

Я вѣдь хорошо изучилъ свое собственное лицо: тѣ же синіе большіе глаза, тотъ же носъ съ легкой горбинкой, тѣ же выпющенные темные усы, тѣ же властные, какъ говорили женщины, губы, та же складка между бровей, высокий лобъ—ну, словомъ, это былъ я.

Одно крайне непонятно, какимъ образомъ эта карточка могла попасть въ руки Джульетты Александровны, такъ какъ въ Б. я никому не дарилъ своихъ фотографическихъ карточекъ.

— Посмотрите на оборотѣ, — сказала моя гостья, замѣтивъ мое недоумѣніе.

На оборотѣ была обозначена фирма фотографа, подѣ которой оказалась надпись на итальянскомъ языкѣ: „Ливорно, 1883 годъ“.

Теперь моему изумленію уже не было предѣловъ: я никогда не бывалъ въ Ливорно и за границей вообще не снимался.

— Сейчасъ я вамъ объясню происхождение этой загадочной для васъ карточки... — начала моя собеседница.—Въ Ливорно, гдѣ я нѣкогда жила, мнѣ пришлось познакомиться съ господиномъ, сыгравшимъ въ моей жизни большую роль... Кто онъ—для васъ это безразлично: вы съ нимъ не встрѣтитесь, такъ какъ три года тому назадъ онъ умеръ тамъ же, въ Италіи. Надо вамъ сказать, что онъ свою жизнь посвятилъ изученію оккультическихъ наукъ и, думается мнѣ, достигъ извѣстныхъ результатовъ, такъ какъ все, что онъ мнѣ предсказывалъ, сбывалось буквально... Осталось еще одно предсказаніе, которое меня теперь страшитъ. Оно имѣетъ большое значеніе особенно въ настоящее время и, какъ сейчасъ увидите, связано съ вашимъ появленіемъ на горизонтѣ моей жизни, до сихъ поръ не смущаемой ничѣмъ...

Я молчалъ, предчувствуя, что сейчасъ услышу что нибудь въ высшей степени интересное.

— Разставаясь со мной въ тысячу восемьсотъ семьдесятъ третьемъ году,—продолжала Джульетта Александровна свой рассказъ,—онъ подавая вотъ эту самую карточку, сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вы уже неоднократно убѣдились, что тѣ тайны науки, изученію которыхъ я посвятилъ всю свою жизнь и надѣюсь которыми смѣются современные жалкіе ученые и ихъ недоразвившіеся послѣдователи, суть науки, имѣющія большой смыслъ, пониманіе котораго доступно только избраннымъ натурамъ, обладающимъ особыми интеллектуальными способностями. Положительное значеніе этихъ наукъ вы, Джульетта, какъ и многіе другіе, видѣли уже изъ массы сбывшихся моихъ предсказаній. Разставаясь теперь съ вами и зная, что намъ больше уже не суждено увидѣться, я тѣмъ не менѣе хочу быть вамъ полезенъ и въ будущемъ, гдѣ вамъ грозитъ опасность, устраненіе которой зависитъ отъ васъ же... Взгляните въ эту фотографическую карточку: не правда ли, красивое, осмысленное лицо? Тѣмъ не менѣе уклонитесь отъ встрѣчъ съ его обладателемъ: знакомство съ нимъ будетъ причиной вашей смерти“... Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, и карточка была забыта въ ящикѣ моего письменнаго стола... Въ тотъ вечеръ, когда мы встрѣтились съ вами впервые, я сразу подумала: „Гдѣ я видѣла это оригинальное лицо?“. Затѣмъ я объяснила себѣ это тѣмъ, что изъ-за ограды нашего сада видѣла васъ проѣзжающимъ мимо насъ.

А въ тотъ памятный вечеръ, когда мы сидѣли у рояля, я все время всматривалась въ васъ и наконецъ вдругъ вспомнила объ этой зловѣщей карточкѣ, и съ ужасомъ убѣдилась, что вы—то лицо, отъ встрѣчи съ которымъ предостерегалъ меня предсказатель... Это открытіе подѣловало на меня очень сильно: въ головѣ все помутилось; я не понимала того, что играла; мнѣ уже казалось, что смерть тутъ, подлѣ меня; я хотѣла крикнуть и не могла; затѣмъ наступило забытіе... остальное вы знаете...

Я былъ пораженъ не сущностью разсказа, а тѣмъ, что Джульетта Александровна, какъ весьма впечатлительная и нервная натура, очевидно глубоко вѣрила въ нѣизбѣжность предсказаннаго. Это я видѣлъ по выраженію ея лица во время разсказа.

Надо было во что бы то ни стало доказать ей несостоятельность этого предсказанія, а какъ это сдѣлать—я самъ не зналъ.

— О, Джульетта Александровна! воскликнулъ я, бросаю предъ нею на колѣна,—я не вѣрю въ это предсказаніе: оно нелѣпо! сходство въ лицахъ—простая случайность... Развѣ вы не видите, что я васъ люблю? Я за васъ жизнь готовъ отдать! Я вѣдь никого еще въ жизни такъ не любилъ!.. И вы говорите, что встрѣча со мной должна васъ погубить! Вѣрите, дорогая, что сила моей любви къ вамъ спасетъ васъ отъ всякой опасности!.. Вы вѣрите, что я васъ люблю!..

Я положилъ голову къ ней на колѣна.

— Вѣрю, вѣрю, милый, — сказала она, тихо глядя мою голову,—и не хотѣла бы вѣрить въ это зловѣщее предсказаніе... Однако мы уже встрѣтились; остается только ждать: кто побѣдитъ—тотъ ли... или твоя любовь?... Признаніе за признаніе: я тебя люблю съ первой встрѣчи... теперь ты доволенъ, милый?..

Описывать дальнѣйшіи нашъ разговоръ мнѣ, кажется, незачѣмъ: онъ понятенъ, я думаю, всѣмъ, кто хоть разъ въ жизни былъ искренне влюбленъ и кому отвѣчали взаимностью.

Все происшедшее между нами была трогательная идиллія, это былъ поэтический сонъ, который никогда больше не повторится...

Черезъ два часа моя Джульетта уѣхала, взявъ съ меня слово, что я не буду искать съ нею встрѣчъ до тѣхъ поръ, пока она сама мнѣ не напишетъ.

V.

Прошло нѣсколько томительныхъ дней. Я все ждалъ письма. А его все не было.

Разбираясь въ томъ, что происходило во мнѣ, я съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что люблю Джульетту той серьезной любовью, которая загорается въ челоуѣческомъ сердцѣ только разъ въ жизни. Я чувствовалъ, что безъ нея мое существованіе теряетъ всякій смыслъ. Съ каждымъ днемъ желаніе увидѣть ее становилось все сильнѣе и сильнѣе. Каждое утро просыпался я со смутной надеждой увидѣть на столѣ давно желанное письмо. Но его все не было. Наконецъ

я сталъ тревожиться, опасаясь, что съ нею что нибудь произошло. Теперь и у меня стала невольна зарождающаяся мысль, что проклятый предсказатель могъ оказаться правъ. Я гналъ отъ себя эту мысль, но она назойливо лѣзла въ голову.

Однимъ словомъ, мое состояние опять стало сквернымъ. Теперь я въ немъ видѣлъ наказаніе за легкомысленную игру любовью женщинъ, съ дѣтской довѣрчивостью отдававшихъ мнѣ свое сердце, которое я рукой самодовольнаго вандала грубо разбивалъ. Я коверкалъ ихъ жизнь, развращалъ ихъ нравственность, губилъ будущіе, смѣялся, терзалъ. И вотъ теперь Немезида въ образѣ Джульетты заставила меня вспомнить о безчисленныхъ жертвахъ моего безсердечія.

Но стану описывать свои нравственные мученія до того дня, пока я не получилъ отъ Джульетты давно желаннаго письма, въ которомъ она назначала мнѣ свиданіе у меня же въ квартирѣ съ наступленіемъ темноты и просила принять всѣ предосторожности, чтобы ея посѣщеніе осталось тайной.

Я пришелъ въ восторгъ и чуть не прыгалъ, какъ расшалившійся ребенокъ. Должно быть, я велъ себя ужасно глупо, потому что мой слуга какъ-то странно поглядывалъ на меня, думая очевидно, что я режуся.

Слѣдующій день прошелъ довольно быстро: я бодро и весело занимался своими служебными дѣлами и почти не замѣтилъ, какъ начало смеркаться. Приготовившись къ приему дорогой гостьи были сдѣланы уже съ утра. Я уѣхалъ на оттоманкѣ и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать наступленія полной темноты. Мнѣ все казалось, что вечеръ не хочетъ вступать въ свои права. Я поминутно искаивалъ и подходилъ къ окну поглядывать, свѣтло ли на дворѣ.

Наконецъ безлунная ночь, словно чернымъ флеромъ, окутала землю.

Я считалъ минуты и секунды; прислушивался къ стуку всякаго проезжающаго экипажа. Вотъ-то-тъ, думалъ я, сейчасъ остановится, слегка заскрипитъ ступеньки крыльца, и предо мной явится она, грациозная, изящная, распространяющая токій ароматъ духовъ.

Отъ ожиданія я сталъ дремать. Вдругъ меня что-то подтолкнуло. Я привскочилъ и почему-то посмотрѣлъ въ окно: тамъ виднѣлась какая-то бѣлая тѣнь. Я подошелъ ближе... Тѣнь закачалась и растаяла. Я, какъ безумный, сбѣжалъ на крыльцо, затѣмъ обѣжалъ весь домъ—не было никого. Когда я вернулся въ комнаты, меня охватила какой-то безотчетный ужасъ. Мракъ, царившій въ кабинетѣ, еще болѣе усиливалъ его. Я не выдержалъ и зажегъ лампу. Мое сердце трезожно билось: я предчувствовалъ какую-то бѣду.

Мой умъ мутился.

Около полудна я измѣрялъ шагами комнату, наконецъ усталъ и сѣлъ за столъ. Не знаю, спалъ ли я, или былъ въ забытѣ, но солнечное утро застало меня за столомъ. Очнулся я отъ звука шаговъ моего слуги, который подаль мнѣ письмо. Я посмотрѣлъ на конвертъ; на немъ былъ мужской почеркъ.

Дрожаящими руками я разорвалъ конвертъ и развернулъ письмо. Слова, строчки, буквы запрыгали въ глаза. Я не понималъ, что читалъ. Но наконецъ мнѣ удалось уловить смыслъ письма, писаннаго генераломъ Соколовскимъ. Вотъ оно:

„Многоуважаемый Алексѣй Ивановичъ! Вчера у Вороновыхъ произошло страшное несчастье: Джульетта Александровна, собираясь подвѣчеръ въ городъ, ждала, пока подадутъ лошадей, и одѣтая уже пошла въ гостиную къ роялю. Когда прислуга явилась доложить, что экипажъ готовъ, Джульетта Александровна уже безъ признаковъ жизни лежала на коврѣ, сжимая въ правой рукѣ Вашу фотографическую карточку, благодаря которой открылось никому неизвѣстное до сихъ поръ обстоятельство, а именно то, что Вы съ нашей славной Джульеттой Александровной были давно уже знакомы, еще по Италіи. Въ виду всего этого думаю, что Вамъ неудобно будетъ появляться на панхиддахъ или погребеніи. Готовый къ услугамъ Н. Соколовскій“.

VI.

Уже десять дней моя Джульетта кокетилась въ землѣ непробуднымъ сномъ... а я еще такъ слабъ послѣ нервной горячки, что не въ силахъ пойти къ ней, а затѣмъ и за нею... Все мое оружіе хитрые люди куда-то попрятали... я тоже хитеръ... и обману ихъ...

Больше писать не могу: перо валится изъ рукъ...

* * *

— И онъ ихъ обманулъ,—сказала дядюшка, когда я закончилъ чтеніе:—раннимъ утромъ онъ явился на кладбище съ цѣлымъ букетомъ цвѣтовъ; нашелъ ея могилу; осыпалъ ее цвѣтами; долго молился и наконецъ выстрѣломъ въ сердце покончилъ съ собой... Какъ хотите, господа, а въ мірѣ много таинственнаго...

Съ грустнымъ чувствомъ, извѣяннымъ безыскусственными записками самубійцы, я легъ спать.

Ночью мнѣ снились Джульетта и Багряскій: она—въ образѣ Тамары, онъ—Демона.

К О П Е Ц Т .

Королева Луиза средн народа.

(Съ рис. на стр. 13.)

Звѣзда великаго корсиканца Наполеона I сияла полнымъ свѣтомъ; онъ одъ за другимъ покорялъ себѣ европейскія государства и очередь дошла до Пруссіи. Битвы при Іенѣ-Ауерштедтѣ, Эйлау и Фридландѣ надломли военную мощь этого королевства. Всѣ въ немъ растерялись и лишь прусская королева Луиза была въ 1806—7 гг. душою сопротивленія врагу до послѣдней капли крови. Она же горячо рекомендовала заключить союзъ съ Россіей. Наполеонъ, чувствуя въ ней несокрушимую энергию и силу, забрасывалъ ее при помощи своихъ газетъ грязными клеветами, но ничто не могло затронуть эту благороднѣйшую женщину новой исторіи—любящую мать и супругу и горячую патриотку.

Прусская королевская семья, подъ напоромъ французовъ, была принуждена бѣжать изъ Берлина и даже покинуть Кенигсбергъ, откуда королева съ дѣтьми, совсѣмъ больная, переѣхала въ Мемель. Здѣсь заболѣла ея дѣти, но были вылечены знаменитымъ Гуфеландомъ. Однако королева Луиза, несмотря на личную горе и даже матеріальную нужду (деньги въ королевской семьѣ были въ то время очень рѣдки), не забыла своего обездоленнаго народа. Она всѣми силами старалась оказать ему благотворительную помощь и личнымъ посѣщеніемъ бѣдняковъ и участіемъ къ ихъ горю вносила успокоеніе въ ихъ измученныя души. Одна изъ такихъ сценъ и изображена на стр. 13 на картинѣ Г. Гендлера. И народъ боготворилъ свою королеву, и ея благороднѣйшій образъ навѣки запечатлѣн на скрижаляхъ исторіи.

Лѣтница.

Иду къ своей прелестницѣ,
Чего-то сердцу жаль...
Въ неосвѣщенной лѣтницѣ
Вдали звучитъ рѣяль.
Печали не развѣятыся...
Въ душѣ моей темно;
Какъ мутный глазъ, бѣлѣтся
Прозрачное окно.
Ступень ступенью гладкою
Мой окликаютъ шагъ
И страхъ глядитъ украдкою
Въ пролетѣ, точно врагъ.
Я грустенъ. Мнѣ не вѣрится,
Что ждетъ обманъ меня...
Ступени шагомъ мѣрятся,
Порывисто звеня.
Иду къ своей прелестницѣ,—
Растетъ моч печаль.
Темно на скучной лѣтницѣ—
И сколькѣ вблизи рояль...

К. Фофановъ.

Во власти любви.

(Съ 2 рис. на стр. 16 и 17.)

Любовь—это могучее чувство, существующее столько же времени, сколько существуетъ и вся вселенная,—постоянно служила и будетъ служить неисчерпаемою темой для служителей искусства. Предъ нами двѣ картины. Одна переноситъ насъ въ древній классическій миръ, другая—въполнѣ современна намъ. Обѣ онѣ объединены одной идеей—идеей любви, вспыхивающей въ сердцахъ людей разнородныхъ половъ и создающей ту ячeyку, которая является основой быта всего міра. Взгляните на красавицу-рирлянку, благочестиво сыплющую на жертвенникъ Венеры свою скромную лепту изъ чудныхъ даровъ природы—цвѣтовъ. Этой своей жертвой она благодаритъ богиню любви за то счастье, которое она испытываетъ, любя сама и будучи любима. На современной намъ картинѣ изображена свадьба. Здѣсь любовь свежа къ нозой—брачной—жизни два человѣческихъ существа, и какъ проникновенно-серьезно вступаютъ они оба въ эту жизнь! Они понимаютъ всю важность момента и, будучи окружены толпой друзей и родственниковъ, слыша поздравляющіе ихъ голоса, мечтаютъ о томъ счастье, которое возможно для нихъ, объединенныхъ могучимъ, вѣчно юнымъ чувствомъ взаимной любви. Велика ея власть въ мірѣ! Она движетъ всей ея жизнью...

Изъ дневника Алики Дыдки

Переписала Л. Охременко.

Мнѣ вчера минуло семь лѣтъ. Дядя Ваня подарилъ эту тетрадку (она въ синенькой обложкѣ съ ласточками) и сказалъ:

— Это—дневникъ, пиши сюда все, что захочется, все, что ты дѣлаешь, такъ скорѣе научишься писать.

А пишу я еще плохо, по линейкамъ, и дѣлаю много ошибокъ.

У меня есть осликъ любимый; онъ старенькій, уже безъ ушей, а другихъ игрушекъ я не люблю. Мама всегда покупаетъ одно и то же: большихъ куколъ съ большими головами, вмѣсто волосъ краска черная; она говоритъ, что когда она была маленькая, то очень любила ихъ, а я не люблю. Я просилъ на прошлую Пасху подарить мнѣ корабликъ съ колесиками и флагами, а мама забыла и опять подарила такого Ваньку въ русской рубацѣ. Они у меня всѣ вмѣстѣ валяются въ углу и я нарочно выколдуль всѣмъ имъ глаза.

Я одинъ маленький, мнѣ иногда очень скучно, поиграть не съ кѣмъ. Сестрѣ Катѣ уже четырнадцать лѣтъ, она меня всегда гонитъ изъ своей комнаты. Она уже большая, платье носитъ почти длинное и все учится; ходитъ по комнатѣ и громко что-то кричитъ и держитъ голову руками, все жалуется, что у нея голова болитъ. Дядя Ваня сказалъ, что она неспособная; я спросилъ няню, что значить «неспособная», а она не знаетъ, она часто не знаетъ, няня, что я спрашиваю... А больше пойти не къ кому.

Въ кабинетѣ послѣ обѣда всегда папа, у него горитъ лампа съ зеленымъ колпакомъ, онъ лежитъ на диванѣ и читаетъ книги, а вечеромъ онъ уходитъ въ клубъ.

— Клубъ—это мѣсто, гдѣ грабятъ, и всѣхъ, кто туда ходитъ, надо повѣсить,— сказала мама.

Я боялся спросить, почему туда ходитъ папа... И мнѣ каждый разъ страшно, когда онъ уходитъ...

Я очень люблю книги. Я уже прочелъ сказки Андерсена; я люблю картинки; моя любимая: густой лѣсъ и принцъ несетъ на рукахъ старую вѣдьму и потому за это она дала этому принцу счастье.

Я спросилъ няню, что значить счастье; она сказала:

— Это вотъ какъ у тебя, все есть: и папа, и мама, и игрушки, и теплая кроватка, и булочка съ молокомъ каждый день... Такъ вотъ оно—счастье!..

А дядя Ваня сказалъ, что счастье—это имѣть то, что хочется.

Какъ же это?.. Мнѣ надоѣли и молоко, и булочки, игрушки у меня все любимыя, а въ магазинѣ я видѣлъ хорошия—кораблики, ружья, лошади съ длинными гривами...

А папа... Вчера мама говоритъ мнѣ:

— У тебя совсѣмъ разорвались сапоги. Какой стыдъ! Пойди спроси у папы денегъ, надо купить новыя.

Я пошелъ. Папа въ кабинетѣ читалъ; я спросилъ, а папа закричалъ на меня: — Опять сапоги! каждый мѣсяцъ сапоги, когда же это кончится!

А потомъ онъ бросилъ мнѣ маленькій золотой. Тотъ покатылся подъ письменный столъ. Мнѣ вдругъ стало такъ стыдно... Я тихо поползъ подъ письменный столъ, поднялъ золотой и отнесъ мамѣ, потомъ пошелъ въ темную гостиную и сталъ плакать.

Какое же это счастье!.. Няня что ни будь напутала!

Въ гостиную вошли мама и дядя Ваня, зажгли свѣчи и стали играть въ четыре руки. Потомъ увидѣли меня и мама крикнула:

— Опять безъ дѣла болтаешься! Ты знаешь, какъ я этого не люблю? Опять нюнишь!.. Пошелъ къ нянѣ!

Когда я уходилъ, я слышалъ, какъ она сказала дядѣ Ване:

— Это—какой-то кисляй, а не мальчикъ! Ничѣмъ себя занять не умѣетъ.

Ахъ, это—неправда! я очень хотѣлъ бы побѣгать, пошумѣть, представить Робинзона Крузо; для этого надо только сдвинуть всю мебель посрединѣ комнаты, сдѣлать островъ, жить на немъ, а кругомъ все корабрики поставить съ флагами, будто море кругомъ... А мама сказала никогда ничего въ комнатѣ не трогать, и корабликовъ у меня нѣтъ...

* * *

Сегодня мы ходили съ мамой покупать сапоги. У меня новые сапоги, мама заплатила три рубля. Я попросилъ маму купить на остальные два рубля то, что мнѣ понравилось: рядомъ въ игрушечномъ магазинѣ въ окнѣ стояла хорошенькая телѣжка съ кувшинами молока и рядомъ чухонка, и это все стоило ровно два рубля. А мама сказала, что я учусь арифметикѣ, только чтобы глупости говорить и считать, гдѣ не нужно, а что есть вещи важнѣе, чѣмъ моя телѣжка.

Потомъ мы вошли въ магазинъ и мама купила ноты.

Ноты—это, вѣрно, очень важная вещь. Она и дядя Ваня играютъ послѣ обѣда; я спросилъ дядю Ваню, для чего они играютъ, а дядя Ваня сказалъ: «Для пищеваренія!». Это, должно быть, правда, важно; я слышалъ, какъ докторъ разъ сказалъ про кого-то, что онъ умеръ отъ дурного пищеваренія. Значитъ, если бы мама не купила ноты, она могла бы тоже умереть...

Умереть!.. Няня сказала, что это значить исчезнуть... какъ дымъ: былъ и нѣтъ его!.. Пошелъ на небо, къ Боженькѣ!.. И тамъ хорошо.

Значитъ, мамѣ было бы хорошо. И намъ было бы хорошо. Она не кричала бы на старую Анисью, на нянечку, на меня...

Почему няня сказала, что бѣда страшная жить на свѣтѣ сироткѣ безъ мамы? Не пойму я, а спроситъ не у кого; няня вѣрно опять напутала... Старенькая она!..

У нянечки хорошо. У нея въ углу образъ Богородицы и кругомъ нарисованы монетки. Дядя Ваня сказалъ: «Деньги—это все!» Это—тоже правда, если ихъ нарисовали даже кругомъ Богородицы!.. А только одинъ генералъ у мамы въ гостихъ былъ въ еокресенье и сказалъ: «Деньги—это все зло міра; не будь ихъ, не было бы грѣха!... Еотъ и не знаю, гдѣ же правда?»

Вѣрно всѣ большіе ничего-то не знаютъ и все путаютъ, оттого вѣрно и не любить, когда мы, дѣти, спрашиваемъ: «Гочему? почему?» — и гонятъ насъ прочь...

* * *

Вотъ опять на углу стоитъ этотъ мальчикъ съ газетами... Онъ вчера мнѣ такъ веселыя рожи дѣлалъ въ окно и мнѣ было смѣшно. Потомъ онъ меня манилъ къ себѣ. Я бы очень хотѣлъ, да знаю, что нельзя, не пустятъ. Должно быть,

весело стоять на углу и продавать газеты! Какой онъ розовый, здоровый!.. А няня по вечерамъ велитъ молиться, благодарить Боженьку, что у меня есть домъ и теплая кроватка... и что я не на улицѣ. А вотъ онъ розовый и веселый, а я всегда зеленый и кислый, это маха мнѣ каждое утро говоритъ.

Скоро елка! Въ прошломъ году у насъ была нярядная елка, большая, много было свѣчей, были серебряныя и золотыя нити, разныя коробочки, золотыя орѣхи, яблоки... Дѣтей почти не было, все большія. Меня рано спать отправили спать, я попросилъ дать мнѣ немного изюма и пряничковъ; еще очень мнѣ хотѣлось: наверху звѣзда была яркая, съ ангельчикомъ... А мама сказала:

— Потомъ, потомъ! Иди спать, для тебя одного разорять елку нельзя, еще не всѣ ее видѣли!

А наутро въ гостиную уже стояла почти пустая, вся оборванная елка... Иголочками былъ осыпанъ весь полъ.

Да, счастье!.. По-моему, счастье,—это, чтобы была со мной одна няня; она старенькая, она никогда меня не гонитъ прочь и позволяетъ брать скамеечку у нея изъ-подъ ногъ и я на ея сундукѣ играю въ солдатки; я самъ вырѣзываю ихъ изъ старыхъ картъ и крашу въ синий и красный цвѣтъ...

А снѣгъ все идетъ! Какой густой, все звѣздочками...

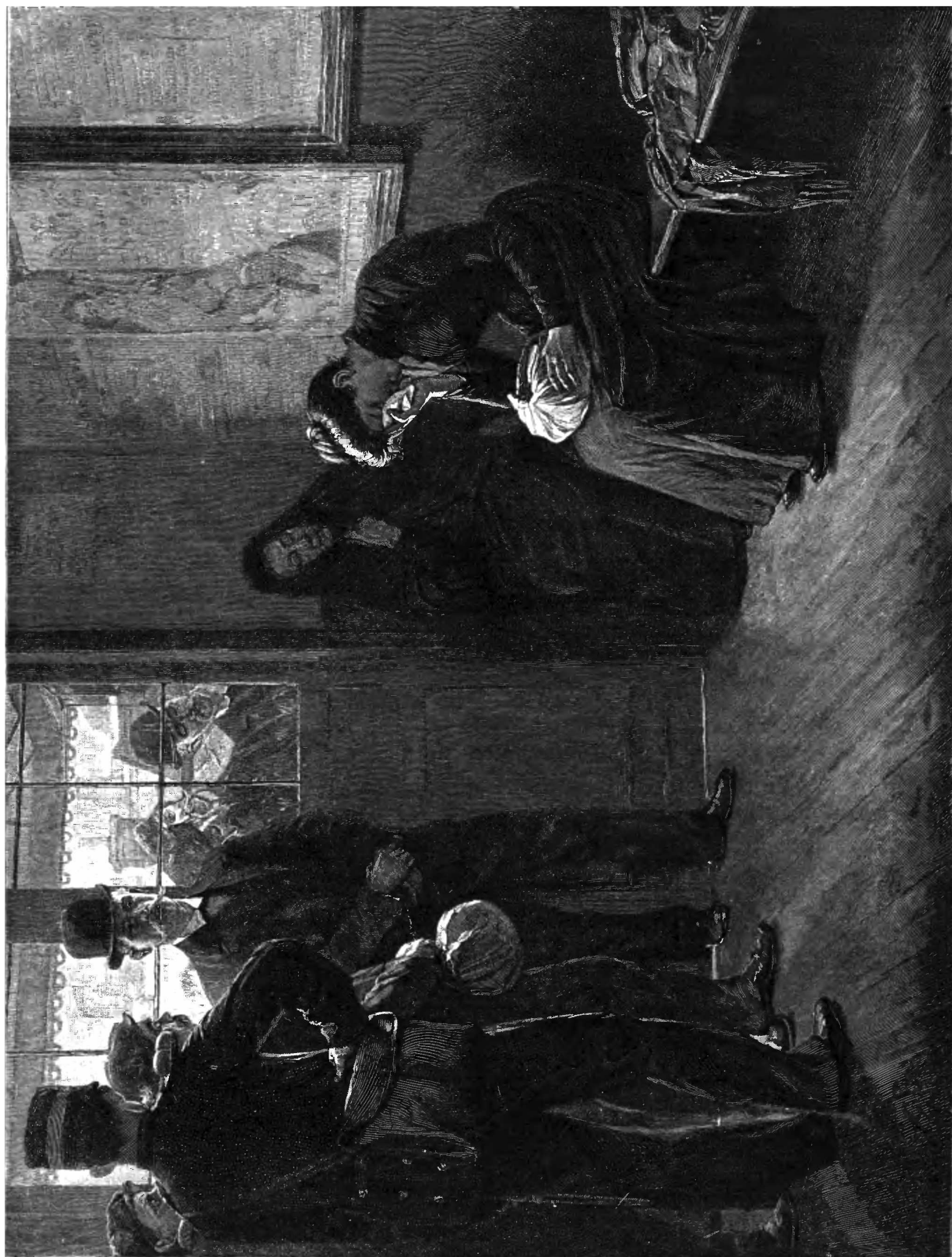
Мальчикъ съ газетами ушелъ. Звонокъ, это—папа. Сейчасъ будемъ обѣдать. Потомъ папа пойдетъ въ кабинетъ лежать на диванѣ, потомъ въ клубъ. Мама и дядя Ваня сядутъ за голя и запрутъ, а мы съ няней въ дѣтской будемъ одни. Няня заснетъ, а я?..

Я писалъ и плакалъ, глаза красные, на тетрадкѣ кляксы. Мама опять скажетъ: «Кисляй!». Возму съ собой ослика, все таки буду не такъ одинъ!

Увозъ преступника.

(Съ рис. на стр. 24.)

Преступленіе совершено. Судъ признать, что имъ нарушены тѣ правовыя нормы, на которыхъ зиждется вся жизнь сообщества гражданъ, и присудилъ нарушителя ихъ къ наказанію. Онъ подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ, куда его и направляютъ послѣ окончательнаго утвержденія приговора. Все готово къ увозу осужденнаго въ то мѣсто, гдѣ ему суждено отбывать наказаніе. До пріѣзда тюремной кареты осталось нѣсколько мгновений. Осужденный раздумчиво ждетъ, когда его увезутъ, быть можетъ, на долгій-долгій срокъ, а на скамьѣ бьетъ въ рыданіяхъ его юная жена и сидитъ вся надломленная горемъ мать. Лишь безучастная толпа зѣвакъ собралась у подъѣзда и жадно наблюдаетъ за тяжелой сценой, отъ которой ее отдѣляютъ лишь двери зданія суда. Для нея это—новое развлеченіе, новая сенсация. Толпа холодна и жестока, и въ ней, кромѣ любопытства, не вызываетъ никакихъ чувствъ горе постороннихъ для нихъ людей, хотя и являющихся ея сочленами. Какое ей дѣло, что на цѣлые мѣсяцы, а можетъ быть, и годы изыять изъ жизни человѣкъ? Что ей до того, что нарушена жизнь семьи, что страдаетъ жена, что пожалуй не перенесетъ позора старуха-мать?—топѣ до того нѣтъ дѣла, необычное зрѣлище, возможно видѣть «героя» процесса отвлекаютъ ея мысли отъ истинной сути жизни ой драмы.

УВОЗЪ ПРЕСТУПНИКА. Съ картины Р. Когге.